

Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества грамотности.

ЗАСЕЛЕНІЕ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ И ПОТЕМКИНЪ.

Д. П. Миллера.

2-е ИЗДАНИЕ,

перепечатанное безъ измѣненія съ 1-го допущеннаго въ
ученическія библіотеки городскихъ и сельскихъ училищъ
и въ народныя читальни.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типо-Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.

(Рыбная улица, домъ № 301).

1901.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНИИ

въ Харьковѣ: Ветеринарная улица, № 26, складъ издательскаго комитета, розничная продажа при 2-й и 3-й читальняхъ, во время народныхъ чтеній въ Реальномъ училищѣ, въ Москалевской школѣ Общества грамотности и nocteжномъ приютѣ.

Другіе склады: въ Москвѣ—Ильинскія ворота, д. Титова, при книжной торговлѣ И. Д. Сытина, въ Харьковѣ—въ складѣ Губернскаго земства, въ книжн. магазинахъ Суворина, Куколевскаго, Михайлова, Пузакова и др., въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Конусова (Тверская, д. Чиловыхъ), въ складѣ книгъ и учебныхъ пособій „Сотрудникъ школъ“ Залѣской (Воздвиженка, домъ Армандъ), въ Одессѣ—въ складѣ Славянскаго Благотвор. Общества и книжномъ магазинѣ Шапсовича (Малый пер., д. № 8), въ Нижнемъ-Новгородѣ—въ Обществѣ распространенія начальнаго образованія, въ Твери—въ книжн. складѣ Губ. земства, въ Вяткѣ и Перьми—въ книжн. складѣ Губерн. земства, въ Томскѣ—въ Обществѣ распространенія начальн. образованія, въ Усмани—въ книжн. торговлѣ публичной библіотеки, въ Кременчугѣ—въ складѣ уѣздн. земства, въ Александровскѣ—(Екатери. губ.) въ складѣ уѣздн. земства, въ Кіевѣ—въ книжн. магазинѣ Оглоблина, Иогансона и друг., а также въ Саратовѣ, Астрахани и др.

Дозволено цензурою. Москва, Апрѣля 24 дня 1901 года.

Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія
въ народѣ грамотности.

ЗАСЕЛЕНІЕ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

И

ПОТЕМКИНЪ.

Д. П. Миллера.

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типо-Литографія М. Зильбербергъ и С-вья
(Рыбная улица, д. № 30-А).
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 24-го Апрѣля 1901 года.

Заселеніе Новоросійскаго края и Потемкинъ.

Глава I.

Новоросійскія степи.

Настаетъ весна. Съ юга на сѣверъ стаями летятъ перелетныя птицы, а на встрѣчу имъ, съ сѣвера на югъ, со свистомъ и грохотомъ мчатся желѣзнодорожныя поѣзда, биткомъ набитые толпами рабочаго люда. Кто какъ, сидя и стоя, на корточкахъ и прислонившись къ стѣнкамъ, ютится рабочій народъ въ неудобномъ вагонѣ 4-го класса. Тутъ же пристроились и бабы съ ребятами, тутъ же и мѣшки съ харчами, тутъ же и рабочій инструментъ, кто съ чѣмъ вышелъ изъ дому.

Куда ѣдутъ всѣ эти люди? Что выгнало ихъ изъ родныхъ деревень? Выгнала ихъ нужда, недохватка, недостатка, а ѣдутъ они въ привольныя мѣста, гдѣ можно зашибить копѣйку, ѣдутъ на югъ, въ Новороссію, — въ Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губерніи, искать работы.

Богаты и привольны эти три южныя губерніи русскаго царства. Тысячами десятинъ тянутся по нимъ нивы золотой пшеницы; глазомъ не окинешь

степныхъ сѣнокосовъ; тысячами и десятками тысячъ головъ бродятъ по широкимъ пастбищамъ отары овецъ-мериносовъ, табуны коней, воловъ и другого скота. Богата здѣшняя земля и на поверхности и въ нѣдрахъ. Изъ глубокихъ шахтъ ежегодно сотнями миллионовъ пудовъ добывается каменный уголь, подъ жирнымъ черноземомъ таятся богатые залежи желѣзной и другихъ рудъ; изъ соленыхъ озеръ и лимановъ выволакивается самосадочная соль. По морскимъ берегамъ, въ Днѣпровскомъ и Бугскомъ лиманахъ широко ведется рыболовное дѣло. Кипучимъ ключомъ бьетъ жизнь въ промышленныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Стоитъ только гдѣ-нибудь завестись заводу или промыслу, — и въ десять лѣтъ бѣдное село, возлѣ котораго выстроено заводъ, можетъ превратиться въ маленький городокъ съ хорошою мостовою, освѣщеніемъ, школами и больницами, со смѣшаннымъ и бойкимъ населеніемъ. Въ богатыхъ приморскихъ городахъ кипитъ оживленная торговля, на пристаняхъ сотнями пагружаются и разгружаются иностранные и русскіе пароходы, на улицахъ слышится смѣшанная многоязычная рѣчь: — тутъ и русскіе, и нѣмцы, и греки, и евреи, итальянцы, англичане, армяне, французы и другіе народы; — всѣхъ ихъ привлекла сюда жажда наживы, желаніе воспользоваться на свою долю частью богатствъ, которыми природа щедро надѣлила этотъ богатый край. Такова теперешняя Новороссія; но совсѣмъ не такою была она лѣтъ 100—200 тому

назадъ. Отъ южныхъ границъ Харьковской и Полтавской губерній до самаго Перекопа, откуда уже начиналось Крымское царство, все это была одна сплошная степь. Ни горъ, ни лѣсовъ; куда ни бросишь взоръ,—всюду степь, степь и степь, весною покрытая густою зеленою травою, лѣтомъ выжженная горячимъ солнцемъ до самой подпочвы. Лѣса, луга, долины—только тамъ, гдѣ вьется степная рѣченка, или у балки, куда весною стекаетъ вода; но и въ балкахъ и въ степныхъ рѣченкахъ вода держится не долго. Настанетъ іюнь, жарко пригрѣетъ солнце,—и отъ степныхъ рѣченокъ остаются одни слѣды. Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ да ихъ большіе притоки не боятся степного солнца. Плавпо и мощно катятъ они свои синія воды по широкой степи, а подлѣ нихъ густою стѣною стоятъ высокіе камыши, зеленѣютъ широкія долины, весело смотрятся въ синія воды густолиственные дубы и клены. Самая большая изъ этихъ рѣкъ Днѣпръ. Широко и далеко раскинулся онъ по степному приволью; цѣлыя 500 верстъ нужно плыть по немъ, чтобы добраться до устья; но плыть по Днѣпру не вездѣ можно: въ сѣверной части теперешней Екатеринославской губерніи Днѣпръ перегораживаютъ пороги,—громадныя гранитныя скалы, въ родѣ плотины, перехватывающія русло рѣки; однѣ изъ нихъ подъ водою, другія сверху. Около этихъ каменныхъ плотинъ Днѣпръ собираетъ свои воды и съ ревомъ и шумомъ низ-

вергають ихъ съ двухсаженной высоты черезъ каменную гряду. А дальше опять рядъ камней, у которыхъ, пѣлись и шипя, вновь собираются днѣпровскія воды, чтобы вновь повторить тотъ-же двухсаженный скачекъ. Шумъ и гулъ стоятъ надъ рѣкою, реветъ и стонетъ Днѣпръ, прыгаетъ со скалы на скалу и далеко вокругъ разбрасываетъ свои брызги и пѣну... За порогами Днѣпръ течетъ уже спокойно по широкой долинѣ, перерѣзанной рукавами, гирлами и заливами рѣки, образующими множество озеръ, затоновъ и острововъ. Это плавни. Весною они залиты полою водою, лѣтомъ—это чудные луга, покрытые высокою травою; ближе къ рѣкѣ—двухсаженный камышъ, дальше—веселыя рощи, а иногда и цѣлые лѣса.

На Днѣпрѣ похожи и остальные большія рѣки Новороссійскаго края,—Бугъ и Днѣстръ. На Бугѣ между Ольвиополемъ и Александровкою тянется цѣлый рядъ пороговъ; здѣсь каменными глыбами усеяно все дно рѣки; всѣхъ пороговъ 18. Ниже пороговъ Бугъ течетъ по долинѣ шириною отъ 1 до 5 верстъ; здѣсь такіе-же плавни, какъ и на Днѣпрѣ. На Днѣстрѣ въ нижнемъ теченіи тоже плавни и острова, только здѣшнія долины еще болѣе плодородны, чѣмъ днѣпровскія или бугскія.

Таковы главныя рѣки края. Все остальное пространство тамъ, гдѣ теперь зеленѣютъ нивы и стоятъ большіе и малые города и села, въ старину представляло сплошную безлѣсную степь. Это была

нетронутая цѣлина съ черноземомъ въ 1¹/₂ аршина глубины, покрытая густою зеленою травою. По рассказамъ стариковъ, трава была такъ высока и густа, что не было возможности проѣхать на телегѣ, потому что трава впутывалась между спицами колесъ и мѣшала ихъ движенію. По лощинамъ встрѣчались цѣлые лѣса дикихъ вишенъ, тутъ-же росли дикія миндальныя деревья, виноградъ, яблони, груши, тернъ, барбарисъ, калина, ежевика, по днѣпровскимъ островамъ—дикій чай, шалфей, разныя аптечныя травы, дубъ, осина, ивылькъ, гордовое и таволжанное дерево; одинъ изъ такихъ острововъ у Стрѣльчаго порога былъ весь покрытъ густымъ виноградомъ. И степь, и острова кишѣли звѣремъ и птицею. Между ними было много такихъ, какихъ теперь нѣтъ и въ поминѣ. Здѣсь водились олени, кабаны, козы, барсуки, выдры, лоси, лани, дикія кошки, туры, дикіе кони. Дикіе кони водились здѣсь табунами головъ въ 50—60, и приручить ихъ было чрезвычайно трудно; за ними охотились, и лошадиное мясо продавалось наравнѣ съ говядиною. По берегамъ рѣкъ, по рѣчнымъ островамъ и затонамъ рѣкъ и лимановъ стадами кружились дикія птицы. Озера и рѣки были переполнены рыбою. По рассказамъ французскаго инженера Боплана, проѣзжавшаго здѣсь около 250 лѣтъ тому назадъ, нѣкоторыя мѣста въ Днѣпрѣ возлѣ пороговъ были такъ рыбны, что выловить всю рыбу, казалось, не было никакой возможности.

Такія рѣки, какъ Ворскла, или Орель, кипѣли рыбою. Про рѣку Самару онъ рассказываетъ, что у рыбаковъ не хватало соли для пересыпки всей пойманной рыбы, и ее приходилось пересыпать золою. Озеро Тилигулъ, говоритъ онъ, было такъ обильно рыбою, что стоячая вода въ немъ получала несносный запахъ. Хорошо было въ степи весною, когда вся она покрывалась высокою зеленою травою, пестрѣвшею всевозможными степными цвѣтами, когда степныя рѣки и рѣчюшки были еще полны весеннею водою. Но вотъ наступалъ май, а за нимъ и іюнь съ жарамъ и засухами. Рѣчки и ручьи изсякали, земля трескалась, богатая степная растительность засыхала. Сухой восточный вѣтеръ еще болѣе сушилъ изсушенную почву; родники высыхали, колодезь не было. Степь превращалась въ мертвую пустыню. И звѣри и люди бѣжали изъ нея къ Днѣпру и его притокамъ, которыхъ не могла высушить никакая засуха.

Въ иные годы степямъ грозилъ другой врагъ,— саранча, истинный бичъ Божій. Тотъ же французъ, о которомъ мы только что упоминали, рассказываетъ, что „саранча въ степяхъ летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространства въ 5 миль въ длину и по 2—3 мили въ ширину. Она до корня пожираетъ хлѣбъ на нивахъ и траву въ лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ 2 часа не останется ни былинки“ Саранча со-

вершенно наполняетъ и омрачаетъ воздухъ. Самые опытные люди приходили въ отчаяніе отъ ея не-описаннаго множества. „Чтобы выжить эту незваную гостью изъ комнаты“, рассказываетъ онъ, „я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все было безъ пользы. Какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ влетало и вылетало въ одно время. Они кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и, едва раскрываете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину“. Страшна была привольная степь въ лѣтнюю засуху, но не меньше бывала она страшна и зимою. Сильные морозы, вѣтры и выюги, безконечная снѣжная пелена, безъ дорогъ, безъ тропинокъ, полное безлюдье на сотни верстъ кругомъ, мертвая тишина, прерываемая только завываньемъ голодныхъ волковъ,—такова была степь зимою. Холодъ, убійственный холодъ пронизывалъ насквозь живое существо. Человѣка, пустившагося въ дорогу по степи въ зимнюю пору, можно было считать погибшимъ. Постепенно и нечувствительно отмораживалъ онъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ самые члены, и мало-по-малу приходилъ въ забытѣе, похожее на оцѣпенѣніе. Сильная дремота влекла его ко сну, по тѣлу разливалась сладкая истома, и человѣкъ

засыпалъ, чтобы никогда болѣе не просыпаться на этомъ свѣтѣ. Боцланъ рассказываетъ, что во время зимнихъ поѣздокъ по степи онъ клалъ себѣ на ноги собаку, чтобы теплотою ея тѣла хотя сколько нибудь согрѣвать свои окоченѣвшіе члены; другіе вытирали все тѣло спиртомъ, но и эта предосторожность плохо помогала.

Глава II.

Т а т а р ы.

Страшна была степная засуха лѣтомъ, страшень лютый морозъ зимою, страшны саранча и дикіе звѣри, но страшнѣе всѣхъ ихъ былъ для степнаго жителя его главный врагъ,—татары. Врагъ этотъ жилъ въ Крыму, въ южной части теперешней Таврической губерніи; здѣсь было знаменитое Крымское царство. Главою его былъ крымскій ханъ, какъ называли его татары, а подъ его властью находилось множество мелкихъ князьковъ, или беевъ, которые начальствовали надъ отдѣльными татарскими ордами. Татары дѣлились на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Первые постоянно жили въ Крыму, а вторые кочевали по Новороссійскимъ степямъ, постоянно переходя съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за кормомъ для своихъ многочисленныхъ стадъ, составлявшихъ главное ихъ богатство. И кочевые и осѣдлые татары держались магометанскаго за-

кона и высшимъ своимъ владыкою признавали турецкаго султана, который имѣлъ власть смѣнять и самихъ хановъ. Было время, когда татары составляли громадное и сильное государство. И Москва, и Кіевъ, и далекій Новгородъ принуждены были платить татарамъ тяжелую поголовную дань. Татарскія владѣнія тянулись до самой Польши, а на берегахъ Волги, въ нынѣшней Астраханской губерніи, въ г. Сараѣ жилъ главный татарскій ханъ, которому подчинялись меньшіе татарскіе князья, кочевавшіе въ разныхъ мѣстахъ со своими ордами. Сила татаръ была, однако, не прочна. Мало-по-малу большое татарское ханство распалось на нѣсколько меньшихъ,—Казанское, Астраханское, Крымское. Постепенно русскіе люди выживались изъ-подъ татарской истомы, и сѣверная Русь собралась вокругъ Московскаго царя. Съ теченіемъ времени Казанское и Астраханское царства начали слабѣть и наконецъ были и совсѣмъ завоеваны царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ; свободнымъ осталось одно Крымское царство. Слادить съ Крымскими татарами было, однако, не такъ легко, какъ съ Казанскими или Астраханскими: и отъ Московскаго царства, и отъ Польши Крымъ отдѣлялся тѣми самыми Новороссійскими степями, о которыхъ мы только что рассказывали, и добратъся до него большому войску почти не было никакой возможности. Благополучно проходить по степямъ могли только татары, издавна

привыкшіе къ нимъ и знавшіе ихъ вдоль и поперекъ. Во всей степи не было ни одного населеннаго мѣста, гдѣ утомленное войско могло бы найти пріютъ и временный отдыхъ. Зимой, въ холода и вьюги, о походѣ въ Крымъ нечего было и думать. Лѣтомъ страшный зной и отсутствіе воды въ конецъ измучивали и людей и лошадей, которыя отъ жажды падали тысячами. Войску, которое задумало бы пробраться въ Крымъ, нужно было везти съ собою не только провіантъ и кормъ для коней, но даже воду и дрова, потому что въ безлѣсной степи на десятки верстъ не было ни кустика, ни деревца. Ко всему этому присоединялись степные пожары. Если татары узнавали, что на нихъ идетъ непріятельское войско, то зажигали степную траву, лѣтомъ совсѣмъ сухую отъ жаркихъ лучей солнца. Поднимался степной пожаръ, густой дымъ застилалъ свѣтъ на сотни верстъ, а южный вѣтеръ гналъ его прямо въ лицо войску. Воздухъ накалялся, удушливый дымъ разъѣдалъ глаза и не давалъ дышать, люди и лошади чувствовали себя какъ бы въ раскаленной печи. Нужно было отступать и ожидать прекращенія пожара; когда же онъ наконецъ прекращался, идти на Крымъ было уже невозможно, потому что въ выжженной степи не оставалось ни былинки на кормъ лошадямъ. Начинался конскій падежъ отъ безкормицы, а всадники, оставшіеся безъ лошадей, погибали если не отъ жажды и изнуренія силъ, то отъ татарскихъ

выстрѣловъ, потому что, татары ни на минуту не оставляли утомленнаго войска, а наблюдали за нимъ и, когда нужно, окружали его, какъ вороны свою добычу. Пробираться въ Крымъ другимъ путемъ, по Днѣпру, мѣшали пороги, около которыхъ обыкновенно сторожили татары. Правда, небольшіе отряды козаковъ проходили въ Крымъ довольно легко; но они были рады-радешеньки, если успѣвали благополучно вернуться домой. Для большого же войска этотъ путь былъ узокъ, труденъ, дорогъ и опасенъ: нужно было очень много лодокъ, и Днѣпръ способенъ былъ въ минуту растропить каждую изъ нихъ въ мелкія щепки. Поэтому татары жили себѣ за широкими степями совершенно спокойно; достать ихъ тамъ было очень трудно, и всѣ большіе походы, какіе ни предпринимались противъ нихъ, обыкновенно оканчивались ничѣмъ.

Конечно, если бы татары сидѣли спокойно въ Крыму или мирно кочевали по степямъ, ни Москвѣ, ни Польшѣ не было бы дѣла до нихъ. Но бѣда была въ томъ, что Крымскіе татары совсѣмъ не были спокойными сосѣдями. Татары жили войною и добычею. Почти ежегодно татарскія орды нападали на польскія или московскія владѣнія. Въ старшие годы бывали случаи, что татары доходили до самой Москвы. По хорошо извѣстнымъ имъ дорогамъ, такъ называемымъ татарскимъ шляхамъ, проходили они черезъ степи, внезапно появлялись на русской или польской границахъ, и здѣсь, раз-

дѣлившись на отдѣльные отряды-загоны, бросались на беззащитные села и города. Погибало все, что встрѣчалось на пути дикой орды. Деревни и города выжигались, скоть, движимое имущество, все, что можно было унести и угнать, угонялось или расхищалось. Если жители защищались, ихъ убивали; если нѣтъ, убивали только старыхъ и слабыхъ, а молодыхъ и сильныхъ брали въ плѣнъ и угоняли въ неволю. При возвращеніи въ Крымъ татары гнали передъ собою бѣдныхъ невольниковъ, связанныхъ другъ съ другомъ, цѣлыми тысячами, какъ скоть. Пока слухи о татарскомъ набѣгѣ успѣвали дойти до городовъ, или до военныхъ отрядовъ, пока собиралось войско, татары уже успѣвали уйти въ степь вмѣстѣ со всею своею добычею, и о томъ, что-бы преслѣдовать татаръ въ степи, нечего было и думать: здѣсь они были почти что дома, и гнаться далеко за ними не было никакой возможности. Возвратившись въ Крымъ, татары дѣлили добычу, часть плѣнныхъ оставляли у себя, а другую часть продавали. Черезъ татаръ русскіе и польскіе плѣнники попадали въ неволю въ разные концы свѣта, мужья разлучались съ женами, дѣти съ отцами и матерями. Несчастные плѣнники, какъ скоть, тысячами продавались на рынкахъ крымскихъ городовъ, красивыя дѣвушки и женщины служили утѣхою богатымъ татарамъ и туркамъ, а ихъ мужья и братья, закованные въ ножные и ручные кандалы, подъ ударами плети

татарина-надсмотрщика, подъ палящими лучами солнца, подъ лязгъ цѣпей и брань свирѣпаго тюремщика, въ поту и крови трудились на татарскихъ галерахъ (такъ назывались татарскіе военные корабли). И изо дня въ день, изъ года въ годъ тянулась эта тяжелая работа. Многіе, кто послабѣе, не выносили этой нечеловѣческой жизни, *татарились, бусурманились* и изъ невольниковъ сами превращались въ надсмотрщиковъ и тюремщиковъ. Не одна сотня тысячъ христіанскаго народа ежегодно погибала отъ татарскихъ набѣговъ и въ неволѣ. Горько оплакивалъ народъ своихъ уведенныхъ въ неволю братьевъ, горько плакали и сами плѣнники, изливая свою скорбь въ грустныхъ *невольничьихъ* пѣсняхъ и молитвахъ къ Богу, чтобы Онъ, Милосердный, услышалъ ихъ тяжкіе стоны и изъ бусурманской неволи вновь воротилъ ихъ къ тихимъ водамъ, яснымъ зорямъ, въ край веселый, въ міръ крещеный. Нѣкоторымъ дѣйствительно удавалось воротиться въ міръ крещеный, выкупившись изъ неволи при помощи оставшихся на родинѣ братьевъ и близкихъ; многихъ выкупало само правительство, собиравшее для этого по всему государству особенную, такъ называемую *полоничную* подать; иные, соскучившись по яснымъ зорямъ родного края, и сами при случаѣ бѣжали изъ татарской неволи, и счастье, если такому бѣглецу удавалось убѣжать отъ преслѣдованія. Чаще всего татарская стрѣла или пуля вляли бѣднягу

посреди степи на жертву воронамъ и другимъ хищнымъ птицамъ. Татарскіе набѣги повторялись чуть ли не ежегодно. Почти каждое лѣто пылали пограничные города и села, каждое лѣто уводились изъ нихъ въ неволю мужчины, женщины и дѣти. Избавиться отъ татаръ было очень трудно. Русскіе иногда откупались отъ татаръ деньгами, но и это не всегда помогало: татары брали деньги, а разбойничать не переставали; то та, то другая орда прорывалась черезъ степи и разбойничала по пограничнымъ селамъ; если же въ Крымъ совсѣмъ не присылалось денегъ, то выступалъ и самъ ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Чтобы имѣть хоть какую-нибудь защиту отъ нечаянныхъ нападеній, русскіе цари и польскіе короли старались строить на своихъ южныхъ границахъ крѣпости. Такъ устроились, напр., Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки на московскомъ пограничьи, Брацлавъ, Каневъ, Черкассы и др.—на польскомъ. Между этими укрѣпленными мѣстами ѣздили сторожа, которые должны были наблюдать за татарами и давать знать о ихъ приближеніи. Правительство старалось заселить эти порубежныя мѣста и, чтобы привлечь сюда жителей, давало новоселамъ разныя льготы, освобождало ихъ отъ многихъ податей и повинностей, лишь бы только они берегли границы отъ татаръ. Но, не смотря на льготы, населеніе неохотно шло въ этотъ край, и еще 250 лѣтъ тому назадъ вся нынѣшняя Харьковщина представляла собою „ди-

кое поле“, въ Полтавщинѣ жителей было очень мало, а за Днѣпромъ поселенія не шли далѣе Черкассъ и Канева. Жить въ этихъ пограничныхъ мѣстахъ могли только козакъ, — на половину войны, на половину земледѣльцы. Жизнь ихъ была трудна и тяжела. Выходя въ поле на жатву, поселянинъ долженъ былъ брать съ собою мушкетъ (старинное ружье) и саблю, чтобы имѣть защиту на случай нападенія. Почти ежегодно то тамъ, то здѣсь появлялись татары. Въ одинъ мигъ уничтожали они плоды долготѣхъ трудовъ, забирали скотъ и движимое имущество, а если жители не успѣвали во время оказать сопротивленія, то и ихъ, связанныхъ татарскими арканами, угоняли хищники въ далекую неволю, — женщинъ на позоръ, мужчинъ на тяжкія работы на галерахъ.

Глава III.

Первые поселенцы.

Если такъ трудно было жить гдѣ-нибудь въ Бѣлгородѣ или Черкассахъ, только по сосѣдству съ новороссійскими степями, то нечего и говорить, какъ трудна была жизнь въ самыхъ степяхъ. Степняку-поселенцу приходилось на каждомъ шагу бороться то съ дикими звѣрями, то съ засухой и безводьемъ, то съ лютымъ морозомъ, то, наконецъ, съ кочевыми татарами, то и дѣло шнырявшими по степи и не дававшими пощады никому, кто по-

падалъ въ ихъ цѣпкія лапы. Чтобы поселиться и жить здѣсь, нужна была отчаянная смѣлость. И однако такіе смѣльчаки находились. Смѣльчаками этими были запорожскіе казаки.

Запорожцы были выходцами изъ разныхъ городовъ и селъ Московскаго и Польскаго государствъ. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ татарами, тяжела была жизнь пограничника украинца; по эта трудная жизнь искупалась такимъ привольемъ, о какомъ теперь въ этихъ мѣстахъ нѣтъ и помину. Раемъ называли въ то время приднѣпровскую Украину, и, еслибъ не татарскіе набѣги, истиннымъ раемъ была бы она для хлѣбороба и промышленника. Земля была богата и обильна, было ея много, подати не велики, и народъ жилъ привольно. Такъ было въ началѣ заселенія этого края. Но тучный черноземъ украинскихъ полей и богатство приднѣпровскихъ селъ приглянулись польскимъ панамъ, и мало-по-малу, одинъ за другимъ, стали они выпрашивать себѣ у польскаго короля земли въ этомъ земномъ раѣ. Съ поляками на Украину явилась неволя: народъ постепенно терялъ свободу и становился крѣпостнымъ, „хлопствомъ“, „быдломъ“, какъ говорили поляки. вмѣстѣ съ панами явились и евреи; они скоро пристроились къ польскимъ имѣніямъ въ качествѣ арендаторовъ, корчмарей, винокуровъ и стали усердно выжимать соки изъ бѣднаго „хлопа“ Хорошо было, если землевладѣлецъ былъ русскій: онъ держался по крайней мѣрѣ право-

славной вѣры; если-же онъ былъ полякъ, тогда становилось уже совсѣмъ плохо: начинались преслѣдованія за вѣру, православныя церкви разрушались или отдавались въ аренду жидамъ, и безъ позволенія еврея священникъ не могъ отправить въ ней ни одной службы. Налоги увеличились, неволя давила людей, и жить стало труднѣе. Даже тѣхъ самыхъ козаковъ, которые оберегали Польшу отъ татаръ, и тѣхъ стали сильно тѣспить. Прежде козаковалъ, кто хотѣлъ; теперь число козаковъ было ограничено, завелись казацкіе реестры (списки), и, кто не попадалъ въ нихъ, долженъ былъ отбывать панщину на поляковъ.

Новымъ порядкамъ подчинились, однако, не все. Люди рѣшительные и смѣлые, изъ тѣхъ, кто не хотѣлъ вкладывать голову въ польское ярмо, покидали родину и шли искать доли въ степь, на Низъ, какъ говорили въ то время. А въ степи, какъ мы видѣли, самымъ удобнымъ до поселенія челоуѣка мѣстомъ были днѣпровскіе берега и острова. Здѣсь-то, ниже пороговъ, и пріютились украинскіе выходцы, получившіе потомъ по мѣсту своего населенія названіе запорожцевъ.

Запорожцы укрѣпились на одномъ изъ острововъ Днѣпра. Это мѣсто называлось у нихъ Сѣчью.*) Запорожцы составили вольное, ни отъ кого не зависѣвшее военное общество, „товариство“, какъ они говорили. Каждый, какъ только попадалъ въ

*) Сѣчь впрочемъ, не оставалась на одномъ мѣстѣ, а переносилась въ разное время то на одно, то на другое урочище Днѣпра.

сѣчь, становился такимъ же вольнымъ козакомъ, какъ и всякій другой запорожець. Доступъ въ Запорожье былъ открытъ каждому, кто только хотѣлъ пристать къ товариству. Запорожцы не спрашивали, кто таковъ, откуда и зачѣмъ пришелъ, гдѣ рапше жилъ и т. п.

— „Въ Бога вѣруешь?“ спрашивалъ обыкновенно атаманъ новопривышаго.

— „Вѣрую“.

— „Въ церковь ходишь?“

— „Хожу“

— „А ну, перекрестись“

Новопривышій крестился.

— „Ну, теперь иди, въ какой самъ знаешь курень“

Куренемъ у запорожцевъ называлось большое зданіе, въ которомъ помѣщалась отдѣльная часть товариства, паходившаяся подѣ начальствомъ куреннаго атамана. Главный начальникъ надѣ всѣмъ запорожскимъ войскомъ назывался коншевымъ атаманомъ; войсковыя дѣла и переписку, какая случалась, велѣ войсковой писарь; ссоры и тяжбы между товарищами судилъ войсковой судья. Всѣ эти начальники выбирались запорожцами на войсковой радѣ, въ которой имѣлъ право участвовать каждый запорожець. Такія рады обыкновенно происходили на Новшій годѣ.

Главнымъ дѣломъ запорожцевъ была война съ невѣрными, какъ называли они татаръ, турокъ и

вообще всѣхъ нехристіанъ. Для крымскихъ татаръ они были заклятыми врагами. Озлобленные постоянными набѣгами татаръ на русскіе города и села, они не давали хищникамъ спуска, гдѣ бы только они ни попадались. Въ степи они угоняли татарскіе табуны и разгоняли татарскіе отряды; во время возвращенія татаръ изъ набѣга на Россію или на Польшу они подстерегали орду, нечаянно нападали на нее, отбивали добычу и плѣнниковъ, которыхъ потомъ отпускали на свободу. Нерѣдко запорожцы нападали на татаръ въ самомъ Крыму. На выдолбленныхъ узкихъ деревянныхъ челнахъ спускались они небольшими партіями внизъ по Днѣпру до самого моря, выходили въ Черное море, неожиданно-негаданно подходили къ крымскимъ берегамъ, грабили, выжигали татарскіе села и города, освобождали христіанскихъ невольниковъ и затѣмъ возвращались въ свою „Сичу“. Иногда запорожцамъ по Днѣпру, а потомъ моремъ удавалось пробраться даже до турецкихъ береговъ, и тогда отъ нихъ жарко приходилось и самому султану.

Храбрость сѣчевиковъ славилась по всему свѣту, и ихъ помощи просили даже иностранные государи. Имена такихъ запорожцевъ, какъ знаменитый кошевой Иванъ Сѣрко, были пугаломъ для татаръ и турокъ. Со времени ихъ поселенія на Днѣпрѣ татарскіе набѣги на Москву и Польшу стали значительно сокращаться, южныя границы обоехъ государствъ дѣлались болѣе безопасными, а стало

быть и болѣе удобными для поселенія. Съ теченіемъ времени тамъ, гдѣ прежде было „дикое поле“, завелись города и села. Такъ заселилась нынѣшняя губернія Харьковская и части Полтавской, Курской и Воронежской. На ряду съ защитою русскихъ и польскихъ границъ Запорожье несло и другую важную службу: храбрые сѣчевики мало-по-малу отвоевывали у татаръ степь и заселяли ее. Постепенно расширяясь, запорожскія владѣнія наконецъ завяли собою всю нынѣшнюю Екатеринославскую и почти всю Херсонскую губерніи; 150 лѣтъ тому назадъ запорожскія владѣнія тянулись по степи на цѣлыя 1,700 верстъ. Главнымъ ихъ пунктомъ была „Сѣчь“, расположенная, какъ мы уже сказали, на одномъ изъ острововъ Днѣпра. Это былъ скорѣе большой военный лагерь, нежели обыкновенный городъ. Внутри укрѣпленій, паходилась запорожская церковь, 38 куреней, въ которыхъ жили сѣचेвики, и до 500 частныхъ домовъ, принадлежавшихъ разнымъ мастеровымъ и ремесленникамъ. Куренями назывались громадныя деревянныя зданія, вмѣщавшія въ себѣ каждое человѣкъ по 600. Въ Сѣчи жило главное запорожское начальство, здѣсь же хранилась и войсковая казна. Жить въ Запорожской Сѣчи могли только мужчины, женщины сюда не допускались подъ страхомъ смертной казни. Поселенія запорожцевъ не ограничивались одною Сѣчью. По обширнымъ запорожскимъ „палести-

памѣ" разбросаны были многочисленныя слободы и села, въ которыхъ жили женатые казаки со своими семьями и работниками. Занимались они охотою, рыболовствомъ, земледѣліемъ и солевознымъ промысломъ. По берегамъ Днѣпра и впадающихъ въ него рѣчекъ отдѣльныя запорожцы устраивали себѣ хутора—зимовники. Такіе зимовники принадлежали обыкновенно одному хозяину, рѣдко двумъ или тремъ, которые и жили тутъ со своими „хлопцами" (работниками), занимаясь скотоводствомъ, рыбною ловлею или пчеловодствомъ. Иногда такіе зимовники обращались въ села и деревни. Въ нынѣшнемъ, на примѣръ, Павлоградскомъ уѣздѣ есть слобода Николаевка-Рудева. Лѣтъ полтораста тому назадъ здѣсь былъ зимовникъ, въ которомъ жилъ запорожець Рудъ. Рудъ ходилъ со своими „хлопцами" на старо-крымскій шляхъ, нападалъ тамъ на турокъ и татаръ, возвращавшихся съ набѣговъ, отбивалъ плѣнниковъ, приводилъ ихъ въ свой зимовникъ и здѣсь покоилъ, поилъ и довольствовалъ. Такихъ освобожденныхъ плѣнниковъ бывало иной разъ у него въ зимовникѣ по нѣсколько сотъ душъ. За эти важныя заслуги сѣчевое казачество совсѣмъ подарило Рудю его зимовникъ, и тотъ устроилъ здѣсь цѣлую слободу Николаевку, пригласилъ сюда изъ-подъ Конотопа своихъ родичей и позволилъ своимъ хлопцамъ вызывать земляковъ и знакомыхъ. Черезъ 12 лѣтъ на мѣстѣ Рудева зимовника была уже слобода въ нѣсколько

сотъ душъ жителей, а еще черезъ два года здѣсь выстроена была уже и церковь.

Такимъ то образомъ сѣчевики мало-по-малу заселяли свои обширныя „палестины“ (земли), и, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ шире раскидывались запорожскіе поселки и слободы, тѣмъ дальше уходили отъ нихъ хищники-татары, тѣмъ безопаснѣе становилась степь. 150 лѣтъ тому назадъ на запорожскихъ владѣніяхъ жило уже не менѣе 100 тыс. человекъ (мужчинъ и женщинъ), а за широкою спиною сѣчеваго козачества ютились новые поселенцы, вызванные русскимъ правительствомъ изъ-за границы. Этими поселенцами были сербы.

Сербовъ поселили по сосѣдству съ запорожьемъ при царицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, около 150 лѣтъ тому назадъ. Къ этому времени татарская сила уже перестала быть страшною для русскаго царства: татарскіе набѣги почти прекратились, кочевники-татары отодвинулись далеко къ югу, и степь стала спокойнѣе и безопаснѣе. Еще при царицѣ Аннѣ Ивановнѣ правительство устроило на сѣверныхъ границахъ Новороссіи цѣлый рядъ крѣпостей, такъ называемую Украинскую линію. Жили здѣсь почти одни военные люди, — солдаты да козацкія команды, приходившія сюда по-очереди для охраны границъ. Большая часть теперешней Новороссіи очутилась въ русскихъ рукахъ; но, за исключеніемъ запорожскихъ „палестинъ“, все это было пустынною, без-

людною степью. Пора было населить этотъ привольный край: только люди могли сдѣлать его окончательно безопаснымъ и полезнымъ для государства. И вотъ правительство стало искать людей, способныхъ заселить степи. Обратилось оно для этого за границу, во-первыхъ, потому, что въ самой Россіи населеніе въ ту пору было не особенно велико: а во-вторыхъ, потому, что думало найти въ иностранцахъ людей, болѣе способныхъ и знающихъ, чѣмъ русскіе. Вызовъ въ южную Россію иностранцевъ, преимущественно изъ славянскихъ земель, начался еще при Петрѣ Великомъ, но особенно большіе размѣры приняло это переселеніе при Елисаветѣ Петровнѣ. Въ это время въ Россію прибыло нѣсколько партій сербскихъ выходцевъ подѣ начальствомъ своихъ полковниковъ: Хорвата, Шевича и Прерадовича. Правительство очень радушно приняло ихъ, щедро надѣлило землею и денежнымъ жалованьемъ, предоставило имъ право безошлинно вести торговлю и промыслы. Поселены были сербы въ сѣверной части теперешней Херсонской губерніи, — эта мѣстность въ то время была названа Новосербією, — и въ сѣверо-восточной части Екатеринославской губерніи, — въ такъ называемой Славяносербіи. Въ Новосербіи для нихъ устроены были города Новомиргородъ и Елисаветградъ, а въ Славяносербіи — Бахмутъ и Бѣлевская крѣпость. Новые поселенцы должны были въ одно и тоже время быть и земледѣльцами и воинами; дѣлились они на полки и

на роты и въ случаѣ надобности должны были быть готовыми къ войнѣ. За одно съ сербами поселились тутъ и другіе выходцы: черногорцы, болгары, молдаване, поляки, выходцы изъ Малороссіи и русскіе старообрядцы-раскольники, такъ что собственно сербовъ было не болѣе 1000 человѣкъ. За 10 лѣтъ на сербовъ было издержано около 2½ милліоновъ рублей казенныхъ денегъ, а для продовольствія ихъ приходилось брать все необходимое у другихъ жителей. Сербскія поселенія были плохо устроены, а между самими сербами происходили почти ежедневныя ссоры и драки, нерѣдко пускались въ ходъ и ножи. Сербы сразу стали въ дурныя отношенія къ своимъ сосѣдямъ-запорожцамъ: запорожцы досадовали, что сербы поселились на тѣхъ самыхъ земляхъ, которыя сѣчевики отвоевали у татаръ своею кровью, и такъ какъ сербы были народъ, далеко не мирный, сами же сѣчевики тоже не любили давать обидчикамъ спуска, то между тѣми и другими постоянно происходили ссоры.

Заселенію степей правительство помогало не только деньгами и льготами для новоселовъ, но и оружіемъ, и, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ шире и шире раздвигались по степи русскія границы. Въ началѣ царствованія Екатерины Великой послѣ первой турецкой войны, русскія владѣнія передвинулись еще далѣе на югъ и дошли вплоть до Азовскаго моря. При заключеніи мира Россія получила приморскіе города: Азовъ, Таганрогъ, Керчь,

Еникале и Кинбургъ со всею областью между Бугомъ и Днѣпромъ, гдѣ была устроена новая, такъ называемая Днѣпровская линія, состоявшая изъ 8 крѣпостей, занятыхъ военными гарнизонами. Такимъ образомъ, Русское государство къ срединѣ 70 годовъ позапрошлаго столѣтія отвоевало у татаръ уже почти всю Новороссійскую степь; но эта степь была еще мало заселена. За исключеніемъ запорожскихъ земель, Славяносербіи и Новосербіи да крѣпостей, занятыхъ одними солдатами, она все еще представляла собою мертвую пустыню. Селиться здѣсь по-прежнему было неудобно и опасно, потому что въ Крыму все еще оставалось независимымъ старое разбойничье гнѣздо, — татарское ханство, а западная часть степей принадлежала туркамъ. Присоединилъ Крымъ къ Россіи и принялъ серьезныя мѣры къ заселенію степей только первый Новороссійскій генераль-губернаторъ, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій.

Глава VI.

Потемкинъ.

Григорій Александровичъ Потемкинъ былъ сынъ небогатаго помѣщика. Родился онъ въ 1739 г., учился въ Московскомъ университетѣ, но курса не кончилъ. 21 года Потемкинъ поступилъ въ военную службу, въ гвардію. Здѣсь онъ сталъ извѣстенъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Онъ былъ очень

красивъ, уменъ и находчивъ, къ тому же и очень честолюбивъ. Еще мальчикомъ онъ мечталъ сдѣлаться архіереємъ, министромъ или генераломъ и теперь, понавши ко двору, старался всѣми мѣрами выдвинуться. Какъ разъ въ это время, когда онъ казалось, былъ уже на дорогѣ къ почестямъ и чинамъ, съ нимъ случилось большое несчастье: онъ ослѣпъ на правый глазъ. Вышло это оттого, что Потемкинъ, заболѣвши глазами, не захотѣлъ лѣчиться у доктора, а позвалъ къ себѣ знахаря, который посоветовалъ ему такое лѣкарство, отъ котораго больной правый глазъ совсѣмъ пересталъ видѣть. Это несчастье имѣло на Потемкина сильное вліяніе: онъ заперся у себя въ квартирѣ, никого не хотѣлъ видѣть и собирался поступить въ монахи и только по убѣжденію государыни рѣшился вновь приняться за службу.

Въ 1768 г. началась турецкая война, — та самая война, благодаря которой, къ Россіи была присоединена почти вся Новороссійская степь. Потемкинъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій, вездѣ отличаясь и личною храбростью и умѣлымъ командованіемъ своимъ отрядомъ. Генераль-маіоръ Потемкинъ, посланный въ Петербургъ съ донесеніемъ о ходѣ военныхъ дѣйствій, получилъ отъ государыни позволеніе вести съ нею переписку и съ этихъ поръ сталъ пользоваться ея довѣріемъ; по окончаніи войны Потемкинъ поселился въ Петербургъ и принялъ участіе въ завѣдываніи госу-

дарственными дѣлами, а такъ какъ царица все чаще и чаще стала обращаться къ нему за совѣтами, то его вліяніе такъ усилилось, что почти ничего не предпринималось безъ его согласія. Въ это время онъ получаетъ высшіе чины и ордена, возводится въ графское достоинство, а потомъ награждается и титуломъ свѣтлѣйшаго князя и, благодаря щедрымъ подаркамъ деньгами и имѣніями, дѣлается однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи. 18 лѣтъ до самой смерти, Потемкинъ былъ первымъ человекомъ въ государствѣ. Ему завидовали, его всячески старались очернить, но все было напрасно. Царица всегда относилась къ Потемкину съ неизмѣннымъ довѣріемъ и, не смотря ни на какіе наговоры, по-прежнему продолжала считать его самымъ способнымъ и преданнымъ изъ своихъ совѣтниковъ. И государыня не ошиблась: Потемкинъ дѣйствительно былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ ея помощниковъ, принимавшимъ участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ того времени; но самая главная его заслуга состояла въ присоединеніи къ Россіи Крымскаго ханства и въ томъ, что онъ успѣшно устроилъ заселеніе тогдашней дикой Новороссійской степи.

Потемкинъ назначенъ былъ генераль-губернаторомъ Новороссіи въ 1774 году. Новый генераль-губернаторъ принялъ свое назначеніе съ радостью: онъ хотѣлъ заселить этотъ богатый край весь до самаго моря, превратить дикія степи въ обрабо-

танныя нивы, выстроить роскошныя города, завести заводы и фабрики и, наконецъ присоединить къ Россіи тотъ небольшой лоскутокъ земли, гдѣ еще до сихъ поръ уцѣлѣло независимое татарское ханство. Потемкинъ мечталъ устроить затѣмъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ могущественный военный и торговый флоты, а на ихъ берегахъ воздвигнуть большіе города съ гаванями и верфями, которые на вѣки должны были остаться памятниками его славы; но первымъ препятствіемъ къ осуществленію этого плава было Запорожье. Со времени первой турецкой войны, придвинувшей русскія границы къ берегамъ моря, Запорожье очутилось внутри русскихъ владѣній, и воевать ему стало не съ кѣмъ. Запорожцы, какъ военная сила, стали ненужными, а между тѣмъ въ ихъ рукахъ находились обширныя земельныя владѣнія. Къ новымъ поселенцамъ сѣчевики относились очень недружелюбно. Взаимныя обиды и ссоры между тѣми и другими становились чаще и чаще. Исконные воины, запорожцы и со своими обидчиками расправлялись чисто по-военному; но и обидчики не давали спуска. Взаимная вражда разгаралась больше и больше, и къ новому генералъ-губернатору то-и-дѣло поступали жалобы то съ той, то съ другой стороны. Въ началѣ Потемкинъ исполнѣ по-дружески относился къ запорожцамъ: ему нравилась безграничная удаля сѣчевиковъ, нравилась ихъ боевая жизнь. Потемкинъ даже просилъ запорожскаго ата-

мана записать его въ реестръ „товариства“ (товарищества), и его желаніе было исполнено. Своему новому товарищу запорожцы дали прозвище Грицька Нечосы за его огромный волнистый парикъ *). Скоро, однако, новый товарищъ сталъ самымъ опаснымъ врагомъ Запорожья: онъ задумалъ совсѣмъ уничтожить Сѣчь. Запорожцы послали отъ себя въ Петербургъ уполномоченныхъ просить, чтобы ихъ права были имъ оставлены по-прежнему, но въ Петербургѣ ихъ пословъ приняли неблагоклонно.

Просьбы запорожцевъ не имѣли успѣха. Генералу Текели было приказано занять Сѣчь и уничтожить запорожское войско. Когда генералъ подошелъ къ Сѣчи, запорожцы хотѣли было защищаться; но наѣстникъ сѣчевыхъ церквей, архимандритъ о. Владимиръ, сталъ убѣждать ихъ, что христіанамъ воевать между собою великій грѣхъ, а кошевой атаманъ уговаривалъ покориться царицѣ. Запорожцы рѣшили сдаться, и Сѣчь была занята русскими войсками. Одинъ по одному стали уходить сѣчевики изъ Запорожья, гдѣ имъ больше уже нечего было дѣлать; разными путями пробрались они въ Турцію и здѣсь, у устьевъ Дуная, устроили себѣ Новую Сѣчь.

Запорожскія земли были подѣлены между помѣщиками, нѣмцами-колонистами и другими поселенцами, а тѣ изъ запорожцевъ, которые не ушли съ товарищами въ Турцію, разбрелись по разнымъ городамъ и селамъ Украины и Новороссіи.

*) Парикъ въ то время носили всѣ служившіе въ военной или въ гражданской службѣ.

Запорожское войско перестало существовать *).

Чтобы сдѣлать Новороссію краемъ мирнымъ и исполнѣ удобнымъ для поселенія, нужно было покорить все еще оставшееся свободнымъ Крымское ханство. Ко времени Потемкина Крымъ былъ далеко не такимъ сильнымъ, какъ равьше. Послѣ окончанія первой турецкой войны турецкій султанъ отказался отъ всѣхъ своихъ правъ на Крымскій полуостровъ и обязался не вмѣшиваться въ Крымскія дѣла. Лишившись поддержки Турціи, татары уже не были въ состояніи бороться съ Россією, и ихъ ханамъ приходилось уже безпрекословно исполнять волю русскаго правительства. Пользуясь этимъ, Потемкинъ заставилъ послѣдняго крымскаго хана—Шагинъ-Гирея отречься отъ престола въ пользу Россіи. Противиться этому татары не смѣли, Шагинъ-Гирея переселили въ Калугу, а Крымъ былъ присоединенъ къ русскому царству.

Присоединеніе Крыма развязало генералъ-губернатору руки. Теперь Новороссія становилась совершенно мирнымъ краемъ; можно было свободно приступить къ ея заселенію; Потемкинъ усиленно занялся этимъ дѣломъ. Со всѣхъ сторонъ сзываетъ онъ въ Новороссію поселенцевъ, щедрою рукою

*) Во время второй турецкой войны изъ остатковъ сѣчаго товариства было устроено такъ называемое Черноморское войско. Въ награду за вѣрную службу оно получило потомъ для поселенія островъ Фанагорію съ землями между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ морями. Въ 1828 году, уже при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, воротились и почти всѣ потомки тѣхъ запорожцевъ, которые ушли было въ Турцію. Имъ тоже была отведена земля подъ поселеніе, и они стали именоваться войскомъ Азовскимъ.

раздаетъ имъ земли и денежную помощь, строить города и крѣпости.

Еще раньше присоединенія Крыма, въ 1778 г., началась постройка Херсона. Строить его рѣшили для того, чтобы имѣть гавань и верфь поближе къ Черному морю; такъ какъ тѣ гавани, которыя были на Азовскомъ морѣ, были неудобны по причинѣ мелководья. Мѣсто для новаго города было выбрано въ 35 верстахъ отъ Днѣпровскаго устья. За работами наблюдалъ самъ Потемкинъ, мечтавшій сдѣлать изъ Херсона второй Петербургъ. Онъ хотѣлъ устроить здѣсь сильную крѣпость съ огромными складами военныхъ принадлежностей, съ заводами для постройки военныхъ кораблей и проч. Херсонъ, кромѣ того, долженъ былъ стать и важнымъ торговымъ городомъ. На созданіе этого города Потемкинъ не жалѣлъ средствъ. Кромѣ щедрыхъ выдачъ изъ государственнаго казначейства, къ его услугамъ были даровыя рабочія руки. Надъ постройками трудились цѣлыя полки солдатъ и простыхъ рабочихъ и множество мастеровъ и ремесленниковъ, нарочно выписанныхъ для этого на казенный счетъ изъ другихъ городовъ. Уже черезъ два года городъ былъ готовъ, и къ нему приходили уже иностранные корабли; со всѣхъ концовъ устремились сюда промышленники и торговцы, иностранцы и русскіе купцы завели въ немъ торговые дома и конторы.

Одновременно съ городомъ Потемкинъ строилъ и военные корабли. Для этого нарочно выписывались

охтенскіе казенные плотники, высылались мастеровые изъ Петербурга, Олонца и др. мѣстъ, а изъ сѣверныхъ губерній доставлялся необходимый для постройки судовъ лѣсъ. Въ то-же время 3 пѣхотныхъ полка работали надъ разчисткою днѣпровскихъ пороговъ для того, чтобы сдѣлать Днѣпръ судоходнымъ и прежде всего облегчить доставку для построекъ матеріаловъ, рабочихъ и всего необходимаго.

Благодаря всѣмъ этимъ трудамъ и затратамъ, Херсонъ въ короткое время выросъ и обратился въ большой и торговый городъ; но все же онъ не сталъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ сдѣлать его Потемкинъ: для этого его нужно было бы построить гораздо ближе къ морю.

Вторымъ большимъ городомъ, выстроеннымъ Потемкинымъ, былъ Екатеринославъ. По плану Потемкина онъ долженъ былъ стать самымъ важнымъ городомъ Новороссіи. Екатеринославъ долженъ былъ служить вѣчнымъ памятникомъ славы императрицы Екатерины. Подъ его постройку предполагалось отвести земли на 300 квадратн. верстъ; каждая улица должна была быть шириною въ 30 саж.; Екатеринославскій соборъ долженъ быть выстроенъ на подобіе величайшаго въ мірѣ собора Петра и Павла въ Римѣ, а присутственныя мѣста въ видѣ древнихъ базиликъ. Потемкинъ мечталъ украсить эту столицу Новороссіи великолѣпными магазинами и театромъ, воздвигнуть роскошный дворецъ для генералъ-губернатора, подворье для архіерея, духовную школу, университетъ—(высшее училище,

откуда выходятъ доктора, учителя, судьи), консерваторію (училище для музыкантовъ и пѣвчихъ) и академію художествъ (высшее училище для живописцевъ); здѣсь же должны были устроиться большія казенныя фабрики для выдѣлки суконъ и шелковыхъ чулокъ.

На постройку Екатеринослава Потемкинъ не жалѣлъ ни денегъ, ни людей, и новый городъ выросъ, какъ въ сказкѣ; но все-же нужно сознаться, что изъ широкихъ плановъ Новороссійскаго генераль-губернатора осуществилось очень немного. Соборъ не былъ достроенъ, чулочная фабрика скоро закрылась, а университетъ, академія художествъ и консерваторія такъ никогда и не открывались. Тѣмъ не менѣе Потемкину удалось сдѣлать изъ Екатеринослава большой городъ, и до сихъ поръ остающійся однимъ изъ главныхъ городовъ Новороссіи.

Потемкину-же обязанъ своимъ возникновеніемъ и Николаевъ. Началъ онъ строиться въ 1789 году. Устроили его для того, чтобы имѣть удобную верфь для постройки судовъ Черноморскаго флота. Новый городъ строился съ такою же быстротою, какъ и все, что дѣлалъ Потемкинъ, но уже безъ лишннихъ затѣй. Черезъ 3 года здѣсь были адмиралтейство и крѣпость, а въ Николаевской верфи стояли уже выстроенныя здѣсь суда. Въ городѣ было тогда уже больше 1500 душъ жителей; за Николаевомъ вскорѣ возникла и Одесса.

Чтобы заселить край, Потемкинъ привлекалъ въ него поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

и изъ заграницы; большею частію это были выходцы изъ теперешнихъ Черниговской, Полтавской и Харьковской губерній. Въ устройствѣ новоселовъ Потемкину много помогали такъ называемые осадчіе, которые вызывали и селили переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Такъ, напр., запорожецъ Горленко основалъ на бывшихъ сѣчевыхъ владѣніяхъ слободы и населилъ ихъ народомъ семейнымъ и осѣдлымъ; священникъ о. Кириллъ Торловскій при содѣйствіи монаховъ Самарскаго монастыря основалъ 24 слободы и выстроилъ въ нихъ 12 церквей съ богадѣльнями и школами. Начальство старалось заохотить новоселовъ, давало имъ землю и разныя льготы; оно само посылало иногда въ польскіе города и села закликать на новыя мѣста, не брезгало и бѣглецами, иногда даже и преступниками: всѣмъ имъ было мѣсто, всѣхъ принимали радушно. Чтобы прикрѣпить новоселовъ къ мѣсту, начальство иной разъ разыскивало для нихъ даже женъ; для этого въ сосѣднія области посылались нарочитые вербовщики евреи, которымъ платили по нѣскольку рублей за каждую привезенную дѣвушку или вдову. Новоселы, какъ мы сказали, были большею частью малороссы, но многіе переселялись и изъ Великой Россіи. Это были казенные крестьяне, однодворцы, казаки, отставные солдаты, матросы, заштатные дьячки, раскольники и т. п. Казенные крестьяне вызывались сюда иной разъ изъ очень далекихъ губерній—Ярославской, Костромской, Владимирской.

Въ 1783 г., велѣно было поселить въ Новороссіи 20 т. казенныхъ крестьянъ, да вромѣ того, выбрать изъ нихъ же 24 т. желавшихъ переселиться добровольно. Особенно много новоселовъ было изъ раскольниковъ; они основали здѣсь цѣлый рядъ многолюдныхъ и зажиточныхъ слободъ; имъ давали по 50 десятинъ на дворъ изъ 4 человекъ, на 5 лѣтъ освобождали отъ податей и позволяли молиться по старымъ книгамъ.

Кромѣ этихъ людей, въ Новороссію являлись и крѣпостные крестьяне разныхъ помѣщиковъ. Чтобы скорѣе заселить край, Потемкинъ щедрою рукою раздавалъ земли дворянамъ, чиновникамъ и иностранцамъ. Они обязаны были заселить эти земли крѣпостными или вольными людьми, съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждыя 1500 десятинъ приходилось по крайней мѣрѣ по 13 крестьянскихъ дворовъ. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ помѣщичьи имѣнія освобождались отъ всякихъ податей и повинностей. На земли Потемкинъ не скупился: даже самый мелкій чиновникъ получалъ не менѣе 1500 десятинъ, а были и такіе, которымъ сразу отмѣривалось по нѣскольکو десятковъ тысячъ десятинъ. На повыя мѣста помѣщичики переводили своихъ крѣпостныхъ иногда изъ очень далекихъ губерній, иногда же закликали и вольныхъ людей, давали имъ на первое время разныя льготы, а потомъ записывали за собою.

Особенно радушно принимали въ Новороссіи иностранцевъ. Правительство думало, что они, какъ

люди умѣлые и знающіе, оважутъ самое хорошее вліяніе на русскихъ поселенцевъ, и потому не скупилось на льготы. По указамъ 1763 и 1764 гг., иностранцевъ перевозили въ Россію на казенный счетъ, селиться они могли по желанію въ городахъ или отдѣльными колоніями (поселками); имъ дозволялось свободное отправленіе богослуженія; поселившіеся въ колоніяхъ на 30 лѣтъ освобождались отъ всякихъ податей; имъ отводились на полъ-года даровыя квартиры, а при поселеніи отрѣзывалось по 60 десят. на семью, выдавалась отъ казны ссуда на 10 лѣтъ безъ процентовъ, и позволялось судиться по своимъ законамъ; они освобождались отъ рекрутчины; если бы кто нибудь изъ нихъ завелъ такую фабрику, какой раньше не было въ Россіи, то могъ продавать свой товаръ беспошлинно въ теченіе 10 лѣтъ; въ колоніяхъ дозволялось заводить торги и ярмарки безъ всякихъ пошлинъ.

Всѣ эти льготы распространялись и на иностранцевъ, переселявшихся въ Новороссію. Первыми воспользовались ими болгары, начавшіе селиться здѣсь еще раньше: одна партія ихъ поселилась близь г. Ольвіополя, другіе разошлись по разнымъ инымъ городамъ и селеніямъ края. Затѣмъ на эти же степи выпло изъ Крыма 20 т. чел. грековъ; имъ были отведены земли по рѣкамъ Соленой и Калміусу и по побережью Азовскаго моря; здѣсь они основали гор. Маріуполь и 20 селеній. Имъ дали ссуду на обзаведеніе, казенные дома, свободу

отъ рекрутчины и право на рыбныя ловли по Азовскому берегу. Кромѣ этихъ, въ Новороссію явилось много грековъ и изъ другихъ мѣстъ. Всѣ они пользовались большими льготами и скоро захватили въ свои руки мѣстную торговлю. Въѣстѣ съ греками явились и армяне. Въ 1779 г. они вышли изъ Кафы (Керчи) и поселились въ крѣпости Св. Димитрія (Ростовѣ), а потомъ въ 4 верстахъ оттуда основали г. Нахичеванъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Нахичевани было уже болѣе 5000 жителей, нѣсколько фабрикъ и заводовъ и много хорошихъ каменныхъ домовъ. Другая часть армянъ вышла съ Кавказа и основала г. Григоріополь. Немало понаѣхало въ Новороссію и нѣмцевъ. Въ 1789 году на островѣ Хортицѣ, тамъ, гдѣ когда то была Запорожская Сѣчь, и на правомъ берегу Днѣпра поселились нѣмцы-менониты. Каждому изъ нихъ было дано по 65 дес. съ обязательствомъ уплачивать послѣ 10 лѣтъ льготы по 15 копѣекъ за десятину. Они были освобождены отъ поставки подводъ, казенныхъ работъ, постоевъ и рекрутчины; привезли ихъ въ Новороссію на казенный счетъ, каждой семьѣ дали по 500 руб. и сѣмена для посѣва. Кромѣ менонитовъ, переселялись въ Новороссію и другіе нѣмцы и такъ-же щедро надѣлялись землею и всякими льготами. Изъ другихъ иностранцевъ, осѣвшихъ въ Новороссіи, слѣдуетъ упомянуть еще молдаванъ, евреевъ, цыганъ, а затѣмъ французовъ и итальянцевъ,—этихъ, впрочемъ, было очень немного.

Уже изъ того, что мы сейчасъ рассказали, видно, что трудное дѣло заселенія степей стоило не дешево. Государству приходилось тратить на него огромныя суммы; тѣ льготы, какія давались иностранцамъ, ложились тяжелымъ бременемъ на русское населеніе. Тѣмъ не менѣе главная цѣль, которой хотѣло достигнуть правительство, была достигнута: степь заселялась быстро и успѣшно. Въ 1768 г. въ Новороссіи насчитывалось всего около 150 тысячъ жителей, а спустя 19 лѣтъ; населеніе ея доходило уже до 850 тысячъ человѣкъ.

Въ 1787 г. императрица Екатерина пожелала сама осмотрѣть все, что сдѣлано Потемкинымъ въ Новороссіи. Для ея встрѣчи дѣлались большія приготовленія, прокладывались новыя дороги, строились дворцы и даже устраивались цѣлыя селенія. Вмѣстѣ съ царицею въ Новороссію пріѣхали австрійскій императоръ и польскій король. Екатерина осталась очень довольна новопріобрѣтеннымъ краемъ. Ея путешествіе казалось какою-то волшебною сказкою: весь путь шелъ по населенной и прекрасно устроенной мѣстности, а между тѣмъ всего десять лѣтъ назадъ эта самая мѣстность представляла собою дикую, безлюдную пустыню. Главнымъ виновникомъ этой чудесной перемены былъ Потемкинъ, и путешествіе царицы явилось лучшимъ опроверженіемъ тѣхъ упрековъ и обвиненій, какія взводились на свѣтлѣйшаго князя Таврическаго его врагами и завистниками.

Брошюры Харьковскаго Издательскаго Комитета:

№ 13. А. Г. Разумовскій. — Допущена въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ. № 14. Южно-Уссурійскій край и переселенцы. — Допущена въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ. № 15. Жуковский. — Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, народныхъ читальни и на народныя чтенія. № 16. Очерки изъ американской жизни. № 17. Голодный годъ. № 19. О шелкѣ. — Одобр. для библіотекъ всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. № 20. Прекрасная Нивернез. — Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныя читальни. № 21. Добрые люди стараго времени на Руси. — Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, на народныя чтенія и въ народныя читальни. № 22. Швейцарія (полное изданіе). № 23. Магометъ. № 24. Железные дороги. — Допущена въ народныя читальни, ученическія библіотеки и для народн. чтеній. № 25. Перекоты поле. № 26. Овраги. — Одобр. для библіотекъ всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. № 27. Г. С. Сковорода. № 29. Какъ живутъ китайцы. — Допущена въ ученическія библіотеки городск. и сельск. училищъ и въ народныя читальни. № 30. Голландія. № 31. Братства. № 32. На краю свѣта. № 33. Школа. № 34. Сестра Катерина. — Допущена въ ученическія библіотеки, народныя читальни и на народныя чтенія. № 35. Карлъ Великій. — Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, народныя читальни и на народныя чтенія. № 36. Заселеніе Новороссійскаго края и Цотемкпнъ. — Допущена въ ученическія библіотеки городскихъ и сельскихъ училищъ и народныя читальни. № 37. Друзья. — Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и народныя читальни. № 38. Дѣва Орлеанская. — Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебн. заведеній и народныя читальни. № 39. Славный паренъ. Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и народныя читальни. № 40. Жиды. № 41. Страшная смерть невиннаго челоѣвка. — Допущена въ народныя читальни и учительскія библіотеки низш. училищъ. № 42. О чумѣ челоѣвка. — Допущена въ народныя читальни и учительскія библіотеки низш. училищъ. № 43. Новый свѣтъ. — Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и народн. читальни. № 44. Маленькіе странствующіе итальянцы. — Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебн. заведеній и народн. читальни. № 45. Отецъ Наркиссосъ и дядя Иванъ. — Одобр. для народныхъ читателей, ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и народныхъ чтеній. № 46. О вредныхъ народныхъ обычаяхъ. — Допущена въ народныя библіотеки-читальни, учительскія библіотеки низшихъ училищъ и для народныхъ чтеній. № 47. Разсказы о доисторическомъ бытѣ. № 48. Народный дворецъ. — Допущ.

въ народн. бібліотеки-читальни, учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и на народныя чтенія. № 49. Гусъ и Лютеръ. № 49а. Бѣлый штурманъ. № 50. Швейцарія. (Сокращенное изданіе).— Допущ. въ ученическ. бібліотеки низш. и средн. учебныхъ заведеній, народн. читальни и для народн. чтеній. № 51. А. С. Пушкинъ. Жизньописание и сборникъ стихотвореній. Къ столѣтію со дня рожденія (1799—26 мая—1899 гг.). Допущена въ ученическія бібліотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныя читальни. № 52. Сказки А. С. Пушкина. Одобрена для нихъ же. № 53. Три разсказа. № 54. О полярныхъ странахъ. № 55. Разсказы изъ жизни звѣрей. № 56. Дядь Емменъ. № 57. Джонъ Ингерфильдъ. № 58. Рыжакъ. № 59. Стихот. Шевченка. № 60. Хижица дяди Тома. № 61. Бесѣда о пользѣ отъ занятія пчеловодствомъ. № 62. М. В. Ломоносовъ. № 63. Бесѣды врача съ крестьянами о заразныхъ болѣзняхъ. № 64. Бесѣды врача съ крестьянами о скарлатинѣ. № 65. Бесѣды врача съ крестьянами о брюшномъ тифѣ. № 66. Бесѣды врача съ крестьянами о натурал. оспѣ. № 67. Бесѣда врача съ крестьянами о заразн. болѣзняхъ: 1) О заразныхъ болѣзняхъ, 2) О скарлатинѣ, 3) О брюшномъ тифѣ, 4) О натурал. оспѣ. № 68. Отважный путешественникъ Фритіофъ Нансенъ. № 69. Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія. № 70. Бесѣды о внутренности земли. № 71. Буры и ихъ страна. № 72. Маленькій Стасъ. № 73. Генри Стэйли, его жизнь и путешествія. № 74. Жизнь и приключенія Н. М. Пржевальскаго. № 75. О лугахъ и луговомъ хозяйствѣ. № 76. Котуко.

Сверхъ того имѣется на складѣ Чикаленка, Розмова про сельске хозяйство, 1 книжка. Цѣна 3 р. сотня.

Лица, приобретающія изъ главнаго склада въ Харьковѣ, платятъ за сотню: №№ 63, 64 и 66 по 85 к., розничная продажа—1 к.; №№ 15, 16, 17, 19, 21, 26, 27, 29, 34, 37, 38, 45, 46, 47, 55, 56, 57, 61, 62 и 65 по 1 р. 5 к., розничная продажа—1½ к.; №№ 49, 49(а), 53 и 54 по 1 р. 80 к., розничная продажа — 2 к.; №№ 13, 14, 20, 22, 23, 24, 25, 31, 32, 33, 35, 36, 39, 40, 42, 44, 50, 52, 58, 60, 67, 72 и 76 по 2 р. 10 коп., розничная продажа — 3 коп.; № 71 по 2 руб. 25 коп., розничная продажа по 3 к.; №№ 30 и 41 по 2 р. 75 к.; розничная продажа—4 к.; №№ 48 и 70 по 3 руб., розничная продажа—4 к.; № 73 по 3 руб. 50 коп., розничная продажа по 4 коп., № 43 и 68 по 4 руб., розничная продажа—5 коп., № 59 по 5 руб., № 51 и 69 по 6 руб.

ПЕРЕСЫЛКА НА СЧЕТЪ ПОКУПАТЕЛЯ.

Главный складъ изданій въ Харьковѣ: Ветеринарная № 26, домъ Общества Грамотности, Издательскій Комитетъ.

